

интересный материал. Автор характеризует географическую и этнографическую среду, экономику, материальную культуру, способы добывания пищи, социальную организацию, обычаи, религию, наконец останавливается на вопросах социального контакта ченчу с различными группами индийского населения и высказывает свои предположения о путях дальнейшего развития этого племени.

Новейшие антропологические классификации народов Индии Эйкштедта (E. v. Eickstedt) и Гуха (B. S. Guha) относят ченчу не только к доарийским, но и к додравидийским аборигенам Индии. Придерживаясь классификации Эйкштедта, автор относит ченчу к малидской подгруппе (Malid), входящей в состав антропологической группы веддидов (Weddid), к которой принадлежит хорошо известное этнографическое племя ведда на Цейлоне. В настоящее время ченчу говорят на диалекте телугу, одного из дравидийских языков Южной Индии, с примесью слов урду. Известно, что еще в XVII в. ченчу говорили на своем языке, непонятном для телугу. Ченчу ведут полукочевой образ жизни в южной части Хайдерабада, в малодоступных, покрытых джунглями горах, что определило их экономику и надолго изолировало от культурных влияний соседних народов. Наряду с постоянными поселениями (от 3 до 10 хижин), где они проводят дождливый и холодный сезон, ченчу имеют и временные жилища, разбросанные в разных местах их кочевий, куда переселяются на остальное время года. Их постоянное жилище представляет собой круглую хижину, от 2,5 до 4,5 м в диаметре, с плетеными стенами, высотой менее полутора метров, и конусообразной крыши из бамбука, покрытого травой. Обычно в таком доме живет одна семья. Временные жилища еще проще. Это — шалаши из ветвей и листьев, а иногда просто убежище под скалами. Охота с луком и самое примитивное собирательство являются основными средствами существования ченчу. Ничего не заготавливается про запас. Семья жива только тем, что ей удастся собрать сегодня. Мужчины и женщины принимают одинаковое участие в добывании пищи, собирательством занимаются и те и другие. Разделение труда даже по полу у ченчу выражено менее ярко, чем у многих примитивных народов. Но все же охота с луком, плетение корзин и изготовление орудий являются делом мужчины, а приготовление пищи лежит на обязанности женщины. Предметом очень незначительного, в общем, обмена с соседними, более культурными народами являются разные фрукты, мед, цветы одного из местных растений, из которых изготавливается напиток вроде пива или вина, и плетеные из бамбука изделия. В обмен ченчу получают куски ткани (до недавнего времени их заменяли листья и плетеные из травы переноски), ножи, наконечники для стрел и украшения. Обмен этот происходит преимущественно при посредстве скупщиков, изредка наезжающих к ченчу. Некоторые группы ченчу, главным образом живущие на равнинах, занимаются скотоводством, но они уже в значительной степени ассимилировались с местным населением. Совершенно не справился автор с исследованием общественной организации ченчу, в частности рода, придя к абсурдному выводу о недавнем его появлении у ченчу, под влиянием окружающей среды.

Последний раздел книги посвящен проблеме «аккультурации» и предположениям о возможном будущем ченчу. Дело в том, что в результате контакта с индустской, мусульманской или европейской культурой, выражающегося в экспроприации земель аборигенного населения, проведении дорог через его территории, распространении откупов на различные продукты его труда, туземцы катастрофически быстро идут к физической, экономической и духовной деградации. Лишенные земель и защиты своих общинных учреждений, они превращаются в толпы бездомных, скитающихся по дорогам и наводняющих базары мелких и крупных индийских городов. Презираемые и гонимые, они представляют неразрешимую проблему для английского правительства и индийского общества. С 30-х годов нашего века, по инициативе этнографов и антропологов, центральным и местными правительствами Индии были приняты законодательные акты с целью воспрепятствовать столь быстрому вырождению туземного населения. Актом 1935 г. были созданы резерваты для туземцев некоторых районов, которые изымались из ведения провинциального законодательства и отдавались непосредственно под власть губернатора или министра, под его наблюдение. На этих территориях, таким образом, должна была быть ограничена хищническая инициатива частных предпринимателей. Но местами и эти полумеры были либо отменены, либо сведены на-нет. По инициативе нашего автора, правительством Хайдерабада в 1942 г. был создан для ченчу резерват на 5 лет и издано положение, предоставляющее им ряд льгот в пределах этого резервата. Цель этого мероприятия, по мысли автора, состоит в том, чтобы первобытным собирателям облегчить переход к скотоводству и садоводству.

М. Кудрявцев.

М. В. Е м е н а у. 1) *Toda marriage regulations and taboos*, «American Anthropologist», 1937, 1; 2) *Personal names of the Todas*, «American Anthropologist», 1938, 2; 3) *Language and social forms. A study of Toda kinship terms and dual descent*, in: «Language, culture and personality, Essays in memory of Edward Sapir», Menasha, 1941.

Племя тода (Южная Индия) уже с давних пор привлекает внимание этнографов. Когда в 1901 г. к тода поехал Риверс, ученые упрекнули его в том, что он едет к столь хорошо изученному народу. «Один из них, — пишет Риверс, — даже сказал, что.

насколько простираются его знания, он уверен, что мы имеем о тогда всю информацию, какую только можно надеяться получить» («The Todas», p. 1). Риверс, однако, не нашел в литературе сведений о социальной организации тогда, об их системе родства, не нашел даже ответа на вопрос: существует ли у тогда какая-либо форма экзогамии? Он пробыл среди тогда около 5 месяцев, изучая их социальную организацию при помощи своего генеалогического метода. Вначале тогда отвечали, что не знают имен своих отцов и матерей, что они их забыли. Риверс обошел это затруднение, получая данные о предках данного лица от члена другой, неродственной семьи. Он собрал данные о всех 72 семьях (к моменту прибытия Риверса тогда насчитывали около 800 человек), «хотя — пишет он, — я мог бы уехать от тогда, представляя их себе как людей, не сохранивших своих генеалогий». Счет родства тогда ведут по отцу, поэтому Риверс в каждой генеалогической таблице указывал только потомков по мужской линии. «Потомки по женской линии, — пишет, он, — даны в генеалогиях мужей». Но из этих генеалогий видно, что это — потомки женщины и ее мужа по мужской же линии. Потомков по женской линии по таблицам Риверса очень трудно проследить, для этого нужно переходить от таблицы к таблице. Риверс этой работы не проделал.

М. Б. Эмено, ученик Эдуарда Сэпира, приехал в Южную Индию для изучения туземных языков и работал здесь в 1935—1936 и 1936—1937 гг. Изучая также песни тогда, он обратил внимание на то, что мужчина и женщина могут петь вместе лишь в том случае, если они муж и жена или могут стать мужем и женой. Если женщина относится к той категории родственников, с которой брак данному мужчине запрещен, то он не может петь с ней вместе и не должен даже слушать, как она поет. Далее, изучая разговоры и беседы тогда (сначала с чисто лингвистической точки зрения), Эмено обратил внимание на то, что мужчина и женщина говорят друг с другом на интимные темы лишь в том случае, если они могут стать мужем и женой. При внимательном изучении того, кто с кем поет и кто с кем и о чем говорит, Эмено обнаружил, что брак между мужчиной и женщиной невозможен не только в том случае, когда они принадлежат к одному отцовскому роду, но и в ряде других случаев. Он сопоставил эти случаи и установил, что брак невозможен, если мужчина и женщина связаны родством по женской линии, даже если это родство отдаленное. Оказалось, что существует общий термин для всех родственников этой запретной группы — *poljol*. Таким образом, Эмено открыл у тогда материнский род, которого не заметил Риверс. Анализ генеалогических систем Риверса, проделанный Эмено позднее, подтвердил (если не считать отдельных исключений) его открытие.

Племя тогда делится на две эндогамные части — *Tarthag* и *Teivali*. *Tarthag* разделена на 10 (по Риверсу — 12), *Teivali* — на 5 (по Риверсу — 6) *mod* — экзогамных групп, ведущих счет родства по мужской линии. В дополнение к этому Эмено установил, что *Tarthag* делится на 5 *poljol*, *Teivali* — на 6 *poljol* — экзогамных групп, ведущих счет родства по женской линии. Эмено внес ряд других дополнений и поправок к материалам Риверса. Риверс, например, различал три возрастные группы в поколении говорящего лица: старше меня, одного со мной возраста и младше меня. Эмено указал, что существуют только две группы: старше меня и младше меня. Все же многое после работ Эмено остается неясным. Риверс пишет, что среди родов *Tarthag* запрещены браки между определенными родами и, наоборот, у некоторых родов есть тенденция заключать браки только между собою. Среди родов *Teivali* также существуют запреты браков между определенными родами. «Я не мог узнать, — пишет Риверс, — причин этого ограничения, и информация, вероятно, неверна». Возможно, однако (тем более после открытия Эмено материнского рода), что информация верна. Риверс указывает, что запрещены браки на дочери своей кресткузины. Эмено утверждает, что это неверно. Если моя кресткузина вышла замуж за человека того же рода, что я сам, то дочь ее действительно для меня запретна, но если она вышла замуж в другой род, то нет препятствий к браку с ее дочерью. Возможно, однако, что в данном случае правы и Риверс и Эмено, и все дело в том, что начало обязательного брака между определенными родами, существовавшее в 1901 г., в 1935 г. уже не существовало. Много вопросов возникает также в связи с делением племени на две части. На эти и другие вопросы мы в работах Эмено не находим ответа.

Н. Бутинов

Soa Di Bois, *The people of Alor. A social-psychological study of an East Indian island, with analyses by Abram Kardiner and Emil Oberholzer, Minneapolis, 1944, X + 654.*

Американский этнограф Кора Дю Буа незадолго до начала второй мировой войны провела полтора года на о. Алор, в Индонезии. В своей полевой работе Дю Буа попыталась разрешить задачи, поставленные семинаром Нью-Йоркского психоаналитического общества, в работе которого она до того принимала участие. Собранный ею материал был подвергнут зимой 1939/40 г. анализу в названном семинаре при участии психолога Абрама Кардинера и этнографа Ральфа Линтона. Рецензируемая книга представляет собой, таким образом, одно из произведений распространенной в настоящее время в Америке «психологической школы».